
В. В. ПРУДНИКОВ

**ОБРАЗ ЛАНГОБАРДОВ В ХРОНИКАХ
НОРМАННСКИХ АВТОРОВ XI–XII ВВ.
(Часть I)**

В данной статье исследуются вопросы, связанные с проникновением норманнов в Средиземноморский регион. В частности, наибольшее внимание уделено проблеме формирования образа лангобардов в норманнской традиции. Автор выражает надежду, что данное исследование даст ключ к пониманию причин столь впечатляющих успехов норманнских завоеваний не только в Европе, но и в сопредельных регионах Азии и Африки.

Ключевые слова: норманны, лангобарды, норманнские авторы, Южная Италия, Сицилия.

В процессе расширения норманнской экспансии на Восток завоевателям приходилось сталкиваться с различными народами, населявшими Средиземноморский регион: греками-византийцами, арабами, берберами, тюрками-сельджуками и многими другими. Среди прочих следует обратить внимание на лангобардов – потомков одноименного древнегерманского племени эпохи Великого переселения народов.

К началу XI столетия в руках лангобардов, завоевавших Италию в VI в., все еще оставались бразды правления в ряде небольших, но формально независимых княжеств на юге полуострова. Их правители постоянно враждовали между собой и чувствовали угрозу со стороны более крупных и мощных соседей: Византийской и Священной Римской империй, мусульман Сицилии и Северной Африки. По этой причине они легко поддались соблазну взять на службу немногочисленные контингенты норманнских рыцарей, происходивших из северофранцузских владений герцогов Нормандии.

Однако норманны довольно быстро освоились и не стали довольствоваться положением наемников. В течение нескольких десятилетий они не только присвоили владения своих лангобардских

покровителей, но и дали отпор имперской экспансии на севере и востоке, а также приступили к завоеванию мусульманской Сицилии. Подобный успех невозможно было бы осуществить, опираясь исключительно на военную мощь.

В данной работе ставится цель рассмотреть сообщения норманнских хроник о лангобардах и показать, как менялся их образ в норманнской традиции на протяжении двух столетий.

В «Церковной истории» Ордерик Виталий говорит о происхождении народа лангобардов, «которые вышли из Скандинавии и были приведены королем Альбоином сыном Авдуина в ту часть Италии, которая сейчас называется Лангобардией» (*Gvinili qui de Scandinavia insula jam fere de annis abstulerunt regnante Albuino rege filio Avdonis partem Italiae quae nunc Langobardia dicitur invaserunt*) (Orderici Vitalis... 1855: 337).

Под Лангобардией он подразумевает не всю Италию, а только часть Северной Италии. Он строго разделяет лангобардское население Апулийских городов и греческих поселенцев в Калабрии. В качестве синонима названия «лангобарды» у него употребляется термин «апулиец». Когда Ордерик говорит о жителях города Салерно, который находился не в Апулии, то также называет их «апулийцами». С другой стороны, наряду с термином «лангобарды» в «Церковной истории» часто используются такие названия, как: италийцы (*itali*), самниты (*samnites*), авсонии (*avsonii*), народ Лациума (*populum Latium*), гвинилы (*guinili*) или винилы (*winili*).

Гауфред Малатерра тоже прибегает к этому термину, когда говорит о лангобардах: “*longobardi igitur apulienses*” (Malaterra 1928: 14). Когда он называет жителей Салерно или Капуи «салернцами» (*salernitani*) (*Ibid.*: 10) и «капуанцами» (*capuani*) (*Ibid.*: 104), он помнит, что они «лангобарды». Характерно и то, что лангобард Мел двояко отвечал на вопрос норманнов, «кто он и откуда»: «Сам он лангобард по рождению и является местным жителем, гражданином Бари, отвечал, что жестокостью греков был вынужден покинуть родные края и отправиться в изгнание» (Guillermi Apulensis... 1851: 241).

Настолько глубокое разделение в самосознании лангобардов может быть связано с возникновением в эту эпоху в городах Южной Италии «локального патриотизма». А это значит, что для лан-

гобардов из одного города – допустим, из Бари – лангобарды из Капуи, Салерно или Беневенто были чужаками.

М. Л. Абрамсон так описывает это явление: «...формирование городских обычаев, хотя каждый из них отличался существенно от обычаев других городов, особенно – в той же области, свидетельствует о существовании у “граждан” (*cives*) каждого из них чувства, что данный город – его родина, а все, кто живет в других – “чужеземцы” (*extranei*). Этот локальный патриотизм особенно ощущался в период, предшествовавший созданию централизованного государства и постепенного лишения городов их вольностей. Показательно, что в хронике Монтекассинского монастыря хронист, говоря о монахе Иоанне (середина X в.), дополняет его имя определением “*natione Saruanus*”, а монах Сергей (начало XII в.) принадлежит к “*natione Amalfitanus*”. По-видимому, частые конфликты между лангобардскими и византийскими областями до подчинения Юга норманнам обострили чувство причастности к судьбе своего города.

Не случайно для этого времени характерны анналы отдельных городов (Бари, Салерно, Беневенто, Амальфи); после образования единого государства они сменяются хрониками, описывающими историю всего королевства» (Абрамсон 1995: 203).

Барбара Кройц считала, что термин «лангобарды» не имел этнического значения, а, скорее всего, указывал на политическую принадлежность, которую она предлагает трактовать как «находящиеся под властью лангобардов» (Kreutz 1991: 14). М. Л. Абрамсон считает, что «лангобарды» – весьма условный термин, который может служить для обозначения вторгшихся на Аппенинский полуостров различных племен: свевов, сарматов, гепидов и др. (Абрамсон 1995: 199–200).

После завоевания «столетиями шло сближение обеих народностей. На лангобардов влиял более высокий уровень римской цивилизации. Они принимают католичество, перенимают и язык: государственные и частные акты составлялись на латинском языке, а лангобардский язык превратился в диалект и вскоре, за исключением отдельных терминов, исчез. Одновременно итальянцы начинают применять в судебной практике, при оформлении завещаний, дарений и других сделок, лангобардское право. Особенно широкое

распространение на протяжении веков получило семейное право лангобардов» (Абрамсон 1995: 200).

В Южную Италию лангобарды вторглись в VII в., где к началу XI в. существовали три независимых лангобардских княжества – Беневенто, Салерно и Капуя. Помимо этого некоторая часть лангобардов, после временного завоевания Апулии, поселилась там прочно, чего нельзя было сказать о Калабрии, где лангобарды присутствовали в меньшинстве.

Первая встреча норманнов и Мела обставлена у Вильгельма как некое священнодействие. Норманны, во исполнение данного ими обета, «поднялись на вершину горы Гарган», чтобы принести свои молитвы «тебе, Михаил Архангел» (Guillermi Apuliensis... 1851: 241). Тем самым Вильгельм указывает не только на святость места, но и своим обращением к Михаилу Архангелу как бы делает и его участником встречи норманнов и Мела.

Прибывший на гору с целью просить заступничества у Михаила Архангела, Мел был одет «на греческий манер»: с «необычного вида и удивительной митрой» (*Ibid.*) на голове, что очень сильно напоминает наряд священнослужителя.

У другого историка, Амато из Монтекассино, описание первой встречи Мела с норманнами выглядит довольно обыденной: при дворе капуанского князя. Однако он прямо сравнивает норманнов с «ангелами». Вильгельм, будучи светским автором, также склонен к той мысли, что встреча норманнов с Мелом произошла с санкции Михаила Архангела.

Описание обстоятельств этой встречи указывает также на то, что Вильгельм не делает религиозных различий между норманнами и лангобардом Мелом, а признает их принадлежность к одной религиозной конфессии.

Норманнскому герцогу Роберту Гвискару Вильгельм ставит в заслугу возведение в Салерно храма святому Матфею (*Ibid.*: 281). Евангелист Матфей считался покровителем этого города, после того как лангобардский правитель Салерно Гизульф доставил туда его мощи в 954 г.

Вильгельм считает, что преимущественно на помощь святого Матфея, а также знамя святого Петра, врученное папой, полагался Роберт в Балканском походе против византийцев (*Ibid.*: 287). Ро-

берт Гвискар «с папой Григорием, при общей тишине, перед тем как вторгнуться в края греков, на коленях молился в упомянутой церкви, которую построил в честь святого Матфея. Кроткий (Матфей. – *В. П.*) благоволил творящему молитву (Роберту. – *В. П.*)» (Guillermi Apuliensis... 1851: 293).

Вероятно, Вильгельму Апулийскому было известно, что большим почитанием Роберта Гвискара пользовался не только святой апостол Матфей, но и другой евангелист: святой апостол Марк. Ведь именно в честь святого Марка был назван первый деревянный замок Роберта в Калабрии (Malaterra 1928: 16), а также другой замок в Сицилии (*Ibid.*: 34). Именно в честь святого Марка при крещении был назван сын от первого брака Роберта с норманнской женой Алверадой Боэмунд (*Ibid.*: 22).

Возможно, что столь почтительное отношение норманнского предводителя к покровителю Салерно имело под собой политический расчет: расположить к себе жителей княжества и выразить свое уважение к религиозным традициям лангобардов.

Вильгельм Апулийский говорит, что граф Аверсо Райнульф отправил послов в Нормандию, которые «разнесли, сколь прелестна Апулия; что нуждающиеся там вскоре обогатятся. Богатым посулили много сверх того, что те имели. О таком услышав, и терпящие нужду, и богатые приходили во множестве; спешил и тот, который был лишен графской власти, бедный, нуждающийся, чтобы обрести знатность и богатство» (*Ibid.*: 245).

Малатерра также указывает на то, что сыновей Танкреда нужда заставила покинуть Нормандию: «...стали за наследство между собой спорить, и удела, который разделенный между многими каждый из них терял, и одному явно было недостаточно, [и который] никак не равнялся с тем, который себе в последующем приобретет. Стали держать совет, и по общему решению старшие по возрасту, которые были крепче младших, первыми родину оставили, и скитаясь по различным местам в поисках рыцарской выгоды, наконец, ведомые Богом, добрались до провинции Италии Апулии» (*Ibid.*: 9).

Лангобарды также нуждались в помощи норманнов. В норманнской историографии существуют три версии появления норманнов в Южной Италии. Амато из Монтекассино передает, что в 1000 г.

40 норманнов-пилигримов стали свидетелями нападения сарацинов на лангобардский город Салерно (Amatus di Montecassino 1935: I, 17). Они помогли правителю Салерно Гваймару IV отбить нападение сарацин и возвратились в Нормандию, доставив с собой предложение Гваймара поступить к нему на службу. Норманны откликнулись на это предложение и отправились в Южную Италию. В Капуе они встретили лангобарда Мела, который увлек их идеей отвоевать у византийцев Апулию.

Вильгельм Апулийский предлагает другую версию, по которой норманны-пилигримы впервые появились не в Салерно, а на горе Гарган, где находилось святилище Михаила Архангела. Там они повстречались с Мелом, который предложил им отнять Апулию у византийцев. После чего вернулись в Нормандию и рассказали о предложении Мела соплеменникам, что и спровоцировало последующую миграцию норманнов в Италию.

Третью версию предлагают Адемар Шабанский (Ademarus 1853: 66) и Рауль Глабер (Rudolfus... 1853: 643–644), по которой норманнский рыцарь Рауль оставил Нормандию и отправился в Рим, где предстал перед папой Бенедиктом VIII (980–1024). Именно он отправил его к лангобардским правителям для поддержки восстания против Византии.

Все три версии говорят об одном и том же событии, но с различными акцентами. Вильгельм Апулийский старается выделить роль Мела, Адемар Шабанский и Рауль Глабер отводят главную роль в деле приглашения норманнов папе Бенедикту, а Амато говорит о Гваймаре как об инициаторе. Однако ни одна из представленных версий не отрицает заинтересованности лангобардских правителей в помощи норманнов.

Ради чего они объединялись с лангобардами и кем те для них были? Сначала норманны нуждались в защите и покровительстве лангобардов. Вильгельм называет Мела первым предводителем норманнов в Италии (Guillermi Apuliensis 1851: 242), а также “*tutor prudens*” (*Ibid.*), что можно перевести как «благоразумный опекун».

«После смерти Мела, на помощь которого надеялись галлы, они потеряли надежду и с печалью вернулись в Кампанию. Не было у них безопасного места, чтобы разбить лагерь. Их число ужасающе уменьшилось, поскольку они были окружены многочислен-

ным и могущественным врагом. Ни одного безопасного места им не представлялось» (Guillermi Apuliensis... 1851: 243). Норманны постоянно нуждаются в защите, в поисках которой бродят с места на место (*Ibid.*: 243).

«И когда первое место обитания защищать изготвились, со всех сторон окруженное болотом, а равно и множество квакающих лягушек служило защитой жилья» (*Ibid.*: 244). Наконец, «ради готовой защиты к некоему, который был правителем Капуи, присоединиться были рады. Между князьями Лаций тогда был самый первый и могущественнейший. Поспешили все сопредельные с этим повелителем места опустошить, и врагов мужественно тревожили» (*Ibid.*: 244).

Вильгельм говорит, что вслед за Мелом норманны избрали себе предводителем другого лангобарда: Майо (Maius), «к которому были сильно привязаны... и верно ему предоставляли помощь, благодаря этому через службу ему получали от прочих безопасность, и это означало для них появление второго наследника военной славы, которую тот укрепил бы и увеличил бы еще больше» (*Ibid.*: 243–244). Чтобы показать, насколько прочной была связь норманнов с Мелом, Вильгельм говорит, что когда норманны стояли перед выбором нового предводителя, они остановились на сыне Мела Аргире: «Галлы, которые держали Апулию, желали служить Аргире, сыну Мела. Ибо отец его первым пригласил галлов в Италию и первым их одаривать старался. Бедный Аргир, хотя и отважный и родовитый, сам себе отказывал в господстве над таким народом, поскольку не мог им дать ни золота, ни серебра. Те же (норманны. – *В. II.*) заявляли, что любят не золото, а его самого, отец которого был им дорог. Он (Аргир. – *В. II.*) прислушался к просьбам народа: ночью порой привел с собой первых по рождению и уму в Бари, к которым во внутренних залах храма святого Аполинария обратился с такой речью: “Удивляюсь я, почему ваш народ желает меня к себе предводителем, ибо у меня нет никакого богатства, которое я мог бы дать вашему народу в качестве награды. Печалюсь я, так как знаю, что вы имеете нужду в различных вещах, которых не предоставить, ни подарить вам я не имею возможности”. Те отвечают: “Для нас с тобой правителем не имеет значения: будешь [ты] бедным или неимущим, [если] под твоим предводительством

фортуна будет благоволить, и пути советами, которые предводителем отцом обычно прокладывались, ты, став повелителем, нам прокладывай”. Как только это сказали, то немедленно вознесли его единодушно: по общему желанию стал правителем» (Guillermi Apuliensis... 1851: 250).

При описании завоевания Апулии норманнами Вильгельм Апулийский говорит, что норманны «собственному племени предпочли поставить во главе местного жителя Лация, Князя Беневентского, имя которому Аденольф». Лев Остийский по этому поводу говорит, что «норманны между тем, чтобы склонить к себе души жителей, избрали себе предводителем брата правителя Беневенто Аденольфа» (Leonis... 1846: 671).

Таким образом, норманны в начале своих завоеваний в Южной Италии ценили лангобардов как своих защитников, покровителей и советников в чужой для них земле. Для увеличения своей мощи они не только избирали лангобардов своими предводителями, но и принимали беглых преступников, которых обучали своему языку и обычаям, «чтобы племя образовалось одно» (Guillermi Apuliensis... 1851: 244).

Однако полное превращение наемников-чужеземцев в легитимных правителей Южной Италии в глазах Вильгельма происходит только после заключения браков норманнских предводителей с принцессами из лангобардского княжеского дома. Когда Роберт Гвискар посватался к дочери Гваймара Салернского Сигельгаите, то ее брат, который являлся в то время главой дома вместо убитого заговорщиками Гваймара, отказал ему: «Сначала Гизульф отверг предложение Роберта, но не потому, что мог бы найти более могущественного или знатного мужа для своей сестры, но потому, что галлы (норманны. – В. П.) казались ему народом свирепым, варварским и жестоким, с душой бесчеловечной» (*Ibid.*: 262).

Таким образом, Вильгельм дает понять, что в культурном отношении норманнов и лангобардов разделяла настоящая пропасть. Однако вскоре он передумал и дал согласие на брак Сигельгаиты с Робертом. Помимо этого Вильгельм упоминает о другом бракосочетании между норманнским правителем Капуи Иорданом, сыном Ричарда, и Гательгримой – младшей дочерью князя Салерно Гваймара (*Ibid.*).

Таким образом, сразу две династии самых значительных норманнских правителей Южной Италии возникли благодаря бракам с лангобардскими принцессами. Вильгельм говорит, что после этого брака «известное имя Роберта было возвеличено. И народ, который был принуждаем служить ему силой, стал подчиняться по закону предков. Ибо народ лангобардов знал, что предки его супруги владели Италией» (Guillermi Apuliensis... 1851: 262). С этого момента Вильгельм получает полное основание описывать деяния норманнов не как наемников-пришельцев, а как законных правителей Южной Италии. Судьбы норманнов и лангобардов были теперь для него связаны неразрывно.

Сведения о других брачных союзах между норманнами и лангобардами можно найти у Амато, который рассказывает о том, как Гваймар V отдал свою дочь в жены графу Апулии Дрого (Amatus di Montecassino 1935: 35). Первый норманнский граф Аверсо Райнульф женился на сестре лангобардского правителя Неаполя Серджио V, а после того как она умерла, снова женился на племяннице правителя Капуи Пандульфа (*Ibid.*: 44–45).

У Ордерика Виталия есть рассказ о некоем норманнском рыцаре Вильгельме, который женился на «знатной девушке из рода лангобардов» и получил в приданое тридцать замков. Он благополучно прожил среди лангобардов сорок лет и имел многочисленное потомство обоих полов (Orderici Vitalis... 1855: 279–280).

Вильгельм отмечает, что между Робертом и Сигельгаитой были любовь и искренняя привязанность друг к другу. Описывая экспансию князя Салерно Гизульфа против Амальфи, Вильгельм прямо говорит, что Роберт готов был уступить Гизульфу, поскольку не хотел нарушать старый договор о дружбе, а также потому, что «бездействовать его вынуждала любовь к его сестре» (Guillermi Apuliensis... 1851: 274).

Вильгельм говорит, что в момент, когда в битве под Дирахием Сигельгаита случайно была ранена стрелой, Роберт очень боялся за ее жизнь. Он делал все возможное, чтобы спасти ее ввиду угрозы со стороны не полностью разбитого врага (*Ibid.*: 287).

Ниже Вильгельм дает следующий комментарий: «От этого Бог избавил, и не позволил случиться бесчестью над столь благородной и почтенной замужней женщиной» (*Ibid.*). Наконец, Вильгельм

описывает горе, с которым Сигельгаита восприняла весть о близкой смерти мужа, и вкладывает в ее уста такую речь: «Когда она узнала, что Роберт, на которого она как его жена возлагала все свои надежды, лежит в лихорадке, она зарыдала, надела свои одежды и поспешила к нему. Увидев, что ее мужу час от часу становится все хуже и хуже, и что он находится при смерти, она разодрала ногтями свои щеки и стала рвать на себе волосы, восклицая: “О, какая боль выпала мне, ибо, несчастная, одна остаюсь. Куда я такая несчастная пойду? Разве не станут греки, узнав о твоей смерти, теперь преследовать меня, твоего сына и твой народ, для которого только ты был славой, надеждой и силой, одним своим присутствием способный нас защитить даже так далеко от дома? В твоём присутствии ни один из твоего народа не боялся твоих врагов; никто не боялся их нападений. Твое воодушевление спасало их; и не имело значения, сколь велико количество войск с противоположной стороны в сражении, они бесстрашно шли в бой, видя, что никакая земная сила неспособна была противостоять тебе. Твой сын, твоя жена и твой народ окружены волками и никогда не спасутся без тебя. Ты был отвагой нашего народа, а без тебя наш народ не может быть отважным» (Guillermi Apuliensis... 1851: 296).

Ордерик крайне немногословен и схематичен в повествовании о том, как складывались отношения норманнов и «лангобардов» в Южной Италии: «Какое-то время после своего прибытия они (норманны. – *В. П.*) сражались как наемники за герцога Гваймара и других знатных против язычников, но из-за возникавших между ними ссор они восстали и обернулись против своих прежних хозяев, захватив Салерно, Бари, Капую, всю Кампанию и Калабрию силой оружия. На Сицилии они также захватили Палермо, Катанию, Кастро Джованни и другие города и замечательные крепости, которыми их потомки владеют по сей день» (Orderici Vitalis... 1855: 252).

Амато предпочел высказаться более нейтрально во введении к своей хронике: «Поскольку, как говорится, “Никто не может подняться выше, если другой не падет”, когда мы начнем рассказ о возвышении этих двух правителей (Ричард Капуанский и Роберт Гвискар. – *В. П.*), то покажем, как пали другие правители и сеньоры» (Amatus di Montecassino 1935: IV, 1).

Аббат Александр Телесинский во вступлении к своей истории, описывающей деяния короля Сицилии Рожера II, говорит: «...ибо, словно по Божьему расположению или дозволению, процветающая легкомысленность лангобардов однажды была обуздана жестокостью пришедших норманнов» (Alexandri... 1991: xxxiv).

Похожую версию высказывает анонимный автор «Хроникона правителей Капуи», который он заканчивает следующими словами: «Ландольф, сын Пандольфа Гуало, правил десять лет, а после был свергнут графом Аверсы Ричардом и княжество по причине своего легкомыслия потерял; и норманны с этого времени стали править нами, даже по совету лангобардов, из-за чего много злого вытерпели, между собой в душе разделившись, и своему народу и родине своей врагами и противниками стали. Так как в Евангелии было предсказано, что царства разделенные придут в запустение и обратятся в прах» (Chronica... 1839: 209).

В военном отношении лангобарды и как противники норманнов, и как союзники оцениваются норманнскими авторами крайне низко. В 1053 г. лангобарды, призвав на помощь римского папу Льва IX с войском германцев, выступили против норманнов с оружием в руках. Когда Вильгельм Апулийский описывает, как перед битвой выстраивают свои боевые порядки норманны и германцы, о лангобардах он говорит следующее: «...собранные все вместе, отдельно стояли; поскольку не знали, как в сражении выстраивать свои боевые порядки в прямые линии» (Guillermi Apuliensis... 1851: 257).

Как следствие слабости лангобардов в военном деле Вильгельм описывает военный разгром лангобардских контингентов: «...не сдержав натиска [норманнов] силами противостоящих италийцев; ужас охватил всех, и в бегство обратил через равнины, через кручи поспешно разбегаются; многим пришлось пасть пораженными во время бегства, убитыми копьями и мечами» (*Ibid.*).

Более лаконично описывает поведение лангобардов в битве при Чивитато Малатерра: «...при первом столкновении, как обычно бывает, началась сумятица. Охваченные страхом лангобарды, желая спастись, ударились в бегство, бросив алеманнов одних в сражении. Алеманны, сражаясь с ожесточением, не желали отступить, кроме как с оружием, и в наказание за свое упорство все до одного были перебиты победоносными норманнами» (Malaterra 1928: 15).

Ордерик Виталий говорит о «бездеятельных» (*desidia*), «парализованных ленью» (*ignavia torpentibus*) лангобардах, которые неспособны защитить себя самостоятельно от сарацин. Он рассказывает о том, как горстка норманнов освободила большой лангобардский город Салерно от уплаты дани сарацинам. При этом норманны якобы посмеивались над лангобардами за то, что те предпочитали откупиться от сарацин деньгами вместо того, чтобы сразиться с ними оружием: «Когда норманны услышали об этом и увидели герцога, собирающего деньги, чтобы умиротворить варваров, они по-дружески стали порицать апулийцев за то, что они, словно беззащитная вдова, покупают свободу вместо того чтобы, как подобает сильным мужам, с доблестью защищаться оружием» (*Orderici Vitalis... 1855: 252*).

То, насколько невоинственными и плохо знакомыми с военным делом были лангобарды, подтверждает и византийский автор Анна Комнина, которая описывает сбор войска Роберта Гвискара перед вторжением на Балканы. «Не довольствуясь теми воинами, которые с давних пор воевали вместе с ним и знали военное дело, он формирует новое войско, призывая на службу людей всех возрастов. Со всех концов Лонгивардии и Апулии собрал он старых и малых и призвал их к воинской службе. Можно было видеть, как мальчики, юноши, старики, которые и во сне не видели оружия, облеклись тогда в доспехи, держали щиты, неумело и неуклюже натягивали тетиву лука, а когда следовало идти, валились ниц. Это было причиной неумолчного ропота, который поднялся по всей Лонгивардии; повсюду раздавались рыдания мужчин и причитания женщин, которые разделяли несчастья своих родственников. Одна из них оплакивала никогда не служившего мужа, другая – неопытного в военном искусстве сына, третья – брата, занимавшегося земледелием или каким-либо другим трудом. Как я сказала, Роберт безумствовал, как Ирод или даже больше, чем Ирод, ибо последний обрушил свой гнев только на младенцев, а Роберт – и на детей, и на стариков. Хотя новобранцы были совершенно не обучены, Роберт, если можно так сказать, ежедневно упражнял и муштровал их» (Комнина 1996: 84).

Норманнские авторы отрицают какую-либо возможность для лангобардов притязать на рыцарское достоинство. Для них они не рыцари. В битве под Диррахием, когда лангобарды выступают со-

юзниками Роберта Гвискара в его Балканском походе, Вильгельм описывает замешательство норманнского войска при первом столкновении с византийскими войсками. «Когда лангобарды и калабрийцы были перепуганы и почти каждый искал бегства, из которых каждый был под герцогом моряком; и само племя рыцарей (норманны. – *В. II.*) герцога в первом столкновении было испугано, в то время как вражеский натиск сильно угнетал их» (Guillermi Apuliensis... 1851: 286). Здесь низкая оценка лангобардов Вильгельма заключается не в испуге перед врагом, что совершенно естественно было и для норманнов, а в том, что, в отличие от «племени рыцарей», лангобарды и калабрийцы были просто моряками «под герцогом», а следовательно, в военном отношении сильно уступали норманнам в глазах Вильгельма.

В том же духе отзывается о лангобардах и хронист Первого крестового похода Рауль Канский: «Сначала, конечно, Нормандия предоставила ему (Бозмунду. – *В. II.*) рыцарей, а Лангобардия пешее войско: норманны, которые побеждают, лангобарды, которые количеством поддерживают и увлекаются в войну. Из этих народов один воюет, другой прислуживает» (“Olim quippe ei milites Normannia, Longobardia pedites suggerebat: Normanni qui vincerent; Longobardi qui numerom auferent, in bella trahebantur: horum populus, alter belliger, alter venerat ministrato”) (Radolfus Candomensis 1854: 499).

Однако норманнам не удалось привить лангобардам свою воинственность. Малатерра рассказывает о саботаже, с которым пришлось столкнуться герцогу Рожеру Борсе со стороны лангобардов: «Апулийцы, отвыкнув от круговорота ежегодных походов, больше предпочитали заботиться о восстановлении утомленного долгими трудами и ранениями тела, чем, привыкая к новому походу, обливаясь потом от напряжения. Отчего и самого герцога, словно не подлинного своего правителя, оставили без помощи, и нисколько не боясь, на местах против него выступали, и став заносчивыми, нисколько не выполняли его приказы» (Malaterra 1928: 105).

Для норманнских авторов очевидно, что лангобарды, глядя на норманнов, сами прекрасно осознавали свою слабость и стремились к союзу с ними. У Вильгельма Апулийского лангобард Мел, изгнанный византийцами из Апулии, увидев норманнов, восклица-

ет: «Если вы захотите, то насколько легким окажется туда (в Апулию. – *В. П.*) наше возвращение с несколькими помощниками из вашего племени» (Guillelmi Apuliensis... 1851: 241). А правитель Салерно Гваймар снаряжает посольство в Нормандию с целью пригласить норманнских рыцарей для борьбы против сарацин. Сам факт обращения лангобардских правителей за помощью к норманнским рыцарям, при наличии необходимости ведения войны как с сарацинами и византийцами, так и между самими лангобардскими правителями, свидетельствует о том, что лангобардские правители Южной Италии не имели собственных рыцарей.

Другими словами, в их распоряжении не было лангобардской военной аристократии, которая жила бы за счет военной добычи и была бы нацелена на приобретение новых земельных владений. Ватиканский аноним говорит, что во время завоевания норманнами Апулии для несведущих в военном деле лангобардов норманны служили образцом для подражания: «Многие из тех (лангобардов. – *В. П.*), которым больше не доставало владения оружием, чем силы тела или духа, с тех пор стремились больше подражать доблести норманнов, чем завидовать им. Которые в последующем стали для них (норманнов. – *В. П.*) наилучшими рыцарями и вернейшими товарищами в их завоеваниях» (Anonymous Vaticanus 1723: 750).

По представлениям норманнских авторов, к моменту появления норманнов в Южной Италии у лангобардов совершенно не было рыцарей как таковых. Ордрик передает, что норманнские рыцари увидели, как правитель Салерно Гваймар IV собирает дань с жителей Салерно для мусульман “cum satelitibus suis” (со своими спутниками), но при этом не наблюдают ни одного лангобардского рыцаря, который готовился бы дать отпор врагу. Малатерра отмечает, что в то время, как норманны, находясь на службе у Гваймара Салернского, не упускали ни единой возможности досадить его врагу, правителю Капуи: «По всему краю различными и частыми набегами донимали капуанцев, и если вспыхивало где-либо губительное бедствие, от себя добавляли» (Malaterra 1928: 14), приближенные Гваймара скрытно готовили против него восстание.

«Салернцы, собираясь отомстить князю за обиды, повсюду неумолимо восстания готовили. Но, поскольку князю удавалось их и прежде подавлять, то повсюду сохранялась видимость спокой-

ствия. Лангобарды же племя очень завистливое и ко всякому поступку подозрение питающее, подобно врагам князя, готовое его зубами разорвать, скрытно его низвергали. И готовы, если не получится его изгнать один раз, то добиться этого в другой. Ибо племя столь хитрое, столь деятельное, исторгающее злобу из своего сердца, столь коварное. Хотели хитростью наследственного удела князя лишить и самим завладеть. С этой целью сердце князя, подвергаемое дурным внушениям, легко в худшую сторону склоняли. Однако князь, сколько бы плохих советов льстецов ни слушал, и что бы они ни побуждали его сделать, обещал сделать, но усердия их боялся и то, что в душе замыслил: понемногу в жизнь претворял» (Malaterra 1928: 14).

Ответ на вопрос, какую часть населения подразумевает Малаатерра под «лангобардами», невозможно дать без обращения к вопросу об организации административного управления в лангобардских владениях Южной Италии. Как упоминалось выше в соответствии с мнением Барбары Кройц, термин «лангобарды» в Южной Италии не имел этнического значения, и его следует понимать как «находящиеся под властью лангобардов» (Kreutz 1991: 14).

Она также считает, что с начала IX в. можно говорить о безусловном доминировании лангобардов как политической силы в Южной Италии (*Ibid.*: 16). В это время центрами лангобардского правления были древняя столица в Беневенто, новая в Салерно (как противовес дукату Амальфи) и Капуя, противостоявшая Неаполю. На фоне этого в 847 г., под сильным влиянием Каролингов, княжество Беневенто подверглось разделению на “*gastaldat*” – военно-административные районы, посредством которых лангобардские правители управляли и осуществляли контроль над своей территорией.

Данный процесс получил название в итальянской историографии “*Divisio*” («Разделение»). Он производился без учета интересов многих других политических образований на территории Южной Италии. Так, находившиеся под властью Византии города Бари и Бриндизи отходили к Беневенто, а Отранто – к Салернскому княжеству, хотя на тот момент эти города находились в руках арабов. Этой участи подверглись даже территории, которые находились под протекторатом Римского папы: земли монастырей Монтекассино и Сан-Винченцо Волтурно. Избежали «Разделения» только

самостоятельные дукаты: Гаэта, Неаполь и Амальфи (Kreutz 1991: 33–34).

Общее количество таких военно-административных районов Кройц определяет в 31 “gastaldat” (*Ibid.*: 33). На примере одного из изученных итальянским ученым Николо Акочеллой “gastaldat” Салернского княжества Киленто становится ясно, что каждый из них обладал мощным бюрократическим аппаратом, состоявшим из чиновников князя (юстициарии, графы, вице-графы, гастальды, скульды, министриалы, нотариусы, пресвитеры), имевших различные функции. Во главе этого бюрократического аппарата стояли графы или гастальды. Единственной разницей между данными титулами было то, что именоваться графом для чиновников князя было в значительной мере престижнее, чем гастальдом. Основными функциями гастальдов были защита лангобардского государства и поддержание стабильности в районе (Acocella 1971: 381).

Б. Кройц отмечает, что гастальды были не только своего рода заместителями князя на местах, но и выполняли некоторые управленческие обязанности в самой столице Салернского княжества. Николо Акочелла отмечает также значительное развитие элементов феодализма в “gastaldat”: к примеру, фактическое разделение на военных и крестьян, а также отношение гастальдов к своему району как к собственному владению (*Ibid.*: 371–374).

Источником комплектования института гастальдов были не только знатные семьи лангобардских княжеств, которых Кройц именует “maiores”, но и представители других народов. Об этом можно судить на примере района Киленто, где среди гастальдов встречались франки и амальфитяне (*Ibid.*: 381).

По мнению Кройц, «Разделение», произведенное в 847 г., не утратило своего значения не только в норманнскую эпоху, но и по сей день границы административного деления Южной Италии повторяют границы лангобардских политических образований (Kreutz 1991: 154). Если же говорить о норманнских фьефах, то основой для их создания послужили лангобардские “gastaldat” вместе со всей хорошо отлаженной системой административного управления. В данном случае примером может служить “gastaldat” Киленто, который при норманнах превратился в баронию (Acocella 1971: 486).

Таким образом, лангобардских гастальдов нельзя было бы назвать рыцарями в полном смысле этого слова, скорее всего, они являлись чиновниками, назначаемыми лангобардскими правителями. Их задача состояла не в ведении войн и территориальных захватах с целью обогащения и стяжания рыцарской славы, как это было характерно для норманнов, а в налаживании более эффективного управления и защиты вверенных им владений лангобардских правителей. Можно сказать, что для лангобардов источником благополучия считалась не война, а мир и спокойствие.

Столь разительное различие между правителями лангобардов и норманнскими рыцарями можно проиллюстрировать следующими примерами из хроник. Вильгельм Апулийский говорит, что благодаря действиям норманнов наконец установилось некое подобие мира. Однако мир продлился недолго, и опять же по вине норманнов, которые «больше любили войну с народами, чем мирные договоры» (Guillermi Apuliensis... 1851: 244). Чуть далее он продолжает: «Никогда норманнам ничего, кроме мучений, не доставалось, а лангобардам доставалась целиком вся победа. Полностью уничтожили несогласного и противника. Теперь благосклонность дарилась этим, и теперь благосклонность дарилась теми. Обмануло авзонов галльское благоразумие, не упускает ни одного взятого над врагом триумфа испить полной чашей. Вот так вырванный ранее с корнем раздор, к отчаянию латинян и к надежде галлов, был восстановлен» (*Ibid.*: 244).

Малатерра говорит, что норманнские пришельцы доставляли Гваймару немало хлопот после того, как он с их помощью «победил всех своих врагов». Поэтому, когда к нему обратились за военной помощью византийцы, тот обрадовался возможности отослать их куда-нибудь подальше от себя: «Некий же Маниак, по происхождению грек, от константинопольского императора был отправлен полководцем к тем, которые в Калабрии, или, вернее, в Апулии, находились под его властью. Предполагал (Маниак. – В. П.) для пользы дела отвоевать Сицилию и ради этого собирал себе подмогу. Из областей, подвластных императору, призвал к себе салернского князя как друга империи, поскольку прослышал о тех, благодаря которым салернский князь всех своих врагов победил. И просил их прислать в помощь своей империи, обещал их за это многими дарами вознаградить. Князь же, не желая упускать такой

случай, в надежде их от себя отослать, призвал пришельцев, к которым от себя с таким предложением обратился. Чтобы их вернее привлечь, все дары, которые Маниак обещал, перечислил, к этому также и от себя дары посулил. Вскоре они не столько по приказу князя, сколько в надежде получить то, что он им посулил, поощряемые, снабженные всем необходимым, собрались отправиться к Маниаку» (Malaterra 1928: 10–11).

(Продолжение следует.)

Литература

Абрамсон, М. Л. 1995. Этносы и власть в Сицилийском королевстве XII–XIII вв. *Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма*: сб. статей. М., с. 199–214.

Комнина, А. 1996. *Алексиада*. СПб.: Алетейя.

Acocella, N. 1971. Il Cilento dai Longobardi ai Normanni (secoli X e XI). Struttura amministrativa e agricola. *Salerno medioevale ed altri saggi*, Libreria Scientifica Editrice. Napoli, pp. 321–487.

Ademarus, S. 1853. Cibardi monachus. Historiarum libri tres. In Migne, J. P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. T. 141.

Alexandri Telesini Abbatis Ystoria Rogerii Regis Sicilie Calabrie atque Apulie. 1991. Roma: Nella sede dell'Istituto.

Anonymus Vaticanus. 1723. Historia Sicula. In Caruso, G. B. (ed.), *Biblioteca historicaregni Siciliae, sive historicorum, qui de rebus Siculis a Saracenorum invasione usque Aragonensium principatum illustriora monumenta reliquerunt, amplissima collectio 2*. Palermo, pp. 829–859.

Amatus di Montecassino. 1935. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino / a cura di V. de Bartholomeis*. Roma: Tipografia del Senato (Fonti per la Storia d'Italia).

Chronica comitum Capuae. 1839. Monumenta Germaniae Historica (MGH), SS. Bd. III. Hannover, pp. 207–210.

Guillermi Apuliensis gesta Roberti Wiscardi, ed. R. Wilmans. 1851. In Köpke, R. (ed.), *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio*. Hannover. T. IX, pp. 239–298.

Kreutz, B. M. 1991. *Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Leonis Marsicani et Petri Diaconi. Chronica monasterii Casinensis; ed. Wattenbach. In Pertz, G. H. (ed.), *Monumenta Germaniae Historica inde ab*

anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Stuttgart: Hiersemann, 1846. T. VII. Pp. 440–990.

Malaterra, G. 1928. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius. *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani.* T. 5. Bologna.

Orderici Vitalis angligenae coenobii Uticensis monachi. *Historia Ecclesiastica.* 1855. In Migne, J. P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina.* Paris: Garnier Frères. T. 188, pp. 17–984.

Radolfus Cadomensis. *Gesta Tancredi principis in expeditione Hierosolymina.* 1854. In Migne J. P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina.* Paris: Garnier Frères. T. 155, pp. 189–590.

Rudolfus Glaber Clunniacensis monachus. 1853. *Historiarum libri quinque.* In Migne, J. P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina.* Paris. T. 142.